

Л. И. Вигерина

**Агиографическая традиция в изображении праведников
в «Задуманных рассказах» П. В. Засодимского**

В статье исследуется связь «Задуманных рассказов» П. В. Засодимского с агиографической традицией, выявляются характерные для нее образы, мотивы, сюжеты в художественной системе рассказов писателя, определяется их функция и значение. Объясняется обращение писателя к агиографической традиции особенностями его мировоззрения, религиозными, педагогическими взглядами, эстетической позицией, а также традиционным кругом чтения в русской школе, фактами биографии П. В. Засодимского, влиянием историко-культурного и литературного контекста эпохи. Делаются выводы о значении агиографической традиции для творчества П. В. Засодимского, об отражении народнической идеологии в идейно-художественном содержании его рассказов о праведниках.

Ключевые слова: агиографическая традиция, житийная топики, праведник, «Задуманные рассказы» П. В. Засодимского, народническая идеология.

Lyudmila I. Vigerina

**Hagiographic tradition in the depiction of the holy people
in "Heartfelt stories" by P. V. Zasodimsky**

The article explores the connection between "Heartfelt stories" by P. V. Zasodimsky with the hagiographic tradition. The images, motifs, and features of the plots are analysed in the artistic system of the stories; their function and meaning are determined. The writer's appeal to the hagiographic tradition is explained by the peculiarities of his worldview, religious, pedagogical views, aesthetic position, as well as the traditional circle of reading in the Russian school, the facts of the biography of P. V. Zasodimsky, the influence of the historical, cultural and literary context of the epoch. The author draws conclusions about the significance of the hagiographic tradition for P. V. Zasodimsky, the reflection of populist ideology in the ideological and artistic content of his stories about the holy people.

Key words: hagiographic tradition, hagiographic topic, righteous man, "Heartfelt stories" by P. V. Zasodimsky, populist ideology.

Введение

Писатель-народник П. В. Засодимский разделял взгляды просветителей на детскую литературу, ее цели и задачи. Ценнейшей чертой произведений для детей он считал гуманность: выражение «глубочайшего почтения к труду и уму человеческому [7, с. 166], стремление «развивать в подрастающем поколении лучшие, благороднейшие стороны человеческой природы» [7, с. 159].

Воспитание юного читателя на примерах идеальных героев характерно для детской литературы XIX века, активно обращавшейся к христианской традиции. В хрестоматии для церковно-приходских школ входили и произведения агиографического жанра [2; 16].

В «Задуманных рассказах» писатель создал галерею образов праведников, которые могли служить примером жизни для людей во имя добра.

Для русской классической литературы второй половины XIX века в поисках нравственного идеала характерно обращение к традиции древнерусской литературы и к агиографической, в частности. Для П. В. Засодимского христианская традиция была наиважнейшей в силу его религиозного воспитания, круга чтения, мирозерцания.

Интерес П. В. Засодимского к теме праведника и агиографической традиции в произведениях для детей был продиктован его представлениями о задачах детской литературы, специфике детского чтения, а также было обусловлено его педагогическими взглядами.

В «Очерке истории детской журналистики (по 1869 год)» он подчеркивал, что дети читают иначе, чем взрослые: «Дети верят в то, что читают, вымышленные лица – для них живые лица, они сами живут с этими лицами, радуются и плачут с ними. Порывистая, непосредственная детская натура иначе и не может относиться к книге...» [7, с. 193]. Пример праведного жития, созданный писателем, будет «заразителен» для ребенка. Поэтому он призывал относиться серьезно к детской литературе: «Должно всегда помнить, что впечатления, получаемые детьми от первых прочтенных ими книг, бывают так живучи и сильны, что их огнем не выжжешь, не вырубешь топором...» [7, с. 193]. В этом П. В. Засодимский близок Ф. М. Достоевскому, высказавшемуся устами своего героя старца Зосимы о роли детского чтения в формировании личности. В «Братьях Карамазовых» речь идет о духовном чтении, о чтении Священного Писания, «Великих Четий Миней»: «Разверни-ка он им книгу и начни читать без премудрых слов и без чванства, без возношения над ними, а умиленно и кротко...» [3, с. 329] и «поразишь благочестивый ум простолюдина», а особенно – ребенка, «и пронзишь ему сердце его сими простыми сказаниями» [3, с. 330].

Пронзить сердце ребенка образами светлых героев, увлечь на путь добра и милосердия – такие задачи ставил перед собой П. В. Засодимский как детский писатель.

В сборнике «Задуманные рассказы» писатель изображает праведников, обращаясь к элементам житийного канона, к житийной топике.

Напомним, что интерес к агиографии в науке, литературе и педагогике в последней четверти 19 века возрастает, о чем свидетельствуют многочисленные публикации того времени, например: В. О. Ключевский «Жития как исторический источник» (1871) [8], Н. С. Лесков «Жития как литературный источник» (1882) [9], А. К. Яхонтов «Жития святых, как образовательно-воспитательное средство, и их значение для русской школы с древнейших времен» (1898) [16] и др.

Так, А. К. Яхонтов в своем сочинении отметил: «В настоящее время интерес к житиям святых особенно усиливается: к чтению их и подобных им религиозно-нравственных сочинений призывают многие газеты, ведомости, журналы и повременные книжные издания <...> Для русского человека со времени принятия христианства жития святых – самые любимые книги» [16, с. 44]. Сочинение А. К. Яхонтова посвящено дискуссиям о роли и значении агиографии в современной литературе и педагогике. Для автора несомненно благотворное влияние житийной литературы на души юных читателей, на их «умственное и нравственное развитие», поэтому он предлагает использовать произведения агиографического жанра на разных уроках, в разных педагогических целях.

Скорее всего с этими публикациями был знаком П. В. Засодимский, так как он живо интересовался педагогикой, печатался в «Педагогическом листке», сам преподавал в сельской школе в разные периоды своей жизни.

Творчество писателя, его биография свидетельствуют о том, что он хорошо знал житийную литературу. Насколько агиография прочно вошла в культурный опыт писателя, определяла его восприятие мира и человека, свидетельствует его автобиографическая книга «Из воспоминаний» (1908).

Так, образ матери представлен в книге сквозь призму раннехристианских житий. Мать писателя, по его признанию, походила на первых христианок: «была бы горячей проповедницей братской любви и милосердия и сделалась бы мученицей, – бросили бы ее на съедение хищным зверям на арене какого-нибудь цирка, или палач докрасна раскаленными клещами истерзал бы ее на потеху издыхавшего, языческого мира...» [6].

В воспоминаниях писателя его мать предстает как святая. П. В. Засодимский выделяет в ее образе традиционные житийные черты: кротость, терпение,

нищелюбие, милосердие, заботу о больных и убогих, самоотречение: «под ее ясным, чистым взглядом» отец «делался кроток, как ягненок», в ней была «большая нравственная сила»: «Благотворное влияние матери на всем сказывалось у нас в доме. <...> Атмосфера благодного спокойствия и мира царствовала в нашем доме...Каждый бедняк, нуждавшийся в деньгах или куске хлеба, каждый несчастный, искавший совета или утешения, всякий больной, убогий, странник – находили доступ к нам в дом» [6].

Признание писателя, что и после смерти матери «ее влияние сказывалось в нашем семействе, словно бы она невидимо была еще с нами» [6], напоминает традиционный мотив посмертных чудес святого.

Образ матери писателя отразился и в его художественном творчестве, в частности, в образе матери Николая Васильевича из «Истории двух елей».

В той же книге «Из воспоминаний» писатель создает образы странников, которых видел в детстве. Особенно запомнился ему Илюша, черты которого угадываются в образах «неразлучников» из одноименного рассказа: «С виду это было кроткое, незлобивое существо, но он был страшно упрям и настойчив, был жесток к себе, мог быть жестоким и к другим – во имя спасения людей от греха» [6].

Илюша видится писателю как герой мученических житий, посвященных первым святым-христианам: «А, может быть, и то, что его самого сожгли бы на костре, как еретика, и он, задыхаясь в пламени, громко славословил бы Бога...» [6].

В изображении Илюши можно выделить характерные для агиографического героя черты и мотивы: топос «ветхих одежд» (ходил всегда в черной кожаной одежде), аскетизм, пренебрежение всем земным («более худого, телесно изнуренного человека я никогда не видал», «Илюша вовсе не думал о себе и о житейских удобствах. Вся сила души его ушла на то дело, которое он считал праведным и великим делом» [6]), подвиг строительства храма (собирал пожертвования на храм).

П. В. Засодимский указал на близость Илюши, которого он знал, образу Власа, созданному Н. А. Некрасовым.

Все вышесказанное свидетельствует о том, что агиография воспринималась писателем как ценнейшая часть национального достояния, определившая аксиологию русского человека, его мировосприятие, вошедшая в генетический код нации. Поэтому, создавая образы положительно прекрасных героев в «Задуманных рассказах», он обратился прежде всего к житийной традиции.

Рассмотрим подробнее, как проявила себя указанная традиция в художественной системе отдельных произведений из сборника «Задуманные рассказы».

В рассказе «Слепой из Данилова (Из воспоминаний моего старого друга)» главный герой – Григорий Иванович – не случайно наделен автором таким именем: «Григорий» происходит от греческого «бодрствующий», «пробудившийся» [12], это одно из первых собственно христианских имен, значение которого указывало на качества идеального христианина. Его небесным покровителем мог быть Григорий Богослов или Григорий Чудотворец. В русской агиографии, как подчеркивают исследователи, метод уподобления святого тому или иному агиотипу по тезоименитству был широко распространен: «...именно по тезоименитству Антоний Печерский уподоблен Антонию Великому, Максим Грек – Максиму Исповеднику и т.д. (причем само имя святого нередко является «ключом» к пониманию «делания» святого, его духовной предназначенности» [11, с. 508]. Впоследствии, в новое время, этот «типологический» метод, указывает исследователь, «был широко представлен и в творчестве многих писателей XVIII–XIX веков»: «Создавая литературные образы своих героев, писатели нового времени (так же, как и древнерусские авторы) нередко ориентировались на конкретные “агиологические” и “библейские” образцы, которые служат для их читателей своеобразным «ключом» к пониманию художественного замысла автора» [11, с. 534].

В истории слепого учителя можно обнаружить общие с житием Григория Богослова мотивы: безбрачная жизнь, аскетизм, деятельная проповедь учения Христа. С житием Григория Чудотворца история слепого учителя может быть соотнесена через характерные агиографические топосы: *плодотворная проповедь, чудо исцеления* (в деревне учитель исполняет и роль лекаря, спасителя людей: три дня не отходил от больной девочки Маши, некогда спас ребенка из пожара, во время эпидемии трудится сам (закапывает разлагающиеся трупы лошадей, которые и распространяют заразу) и подает пример односельчанам), *стремление к уединенной молитве, пустынножительству*.

Главная миссия Учителя – проповедь слова Христа: он толкует крестьянам Евангелие. Так, например, рассказчик на всю жизнь запомнил его объяснение притчи о сеятеле, о том, какая милостыня благостна и для людей, и для Бога, на примере деревенского кулака Кузьмича, дающего деньги в рост, а потом, обирающего крестьян, но жертвующего на церковь. Образ учителя обретает черты народника, проповедующего социалистические идеалы: он осуждает проникновение в жизнь русской деревни капиталистических начал, критикует кулачество и кулаков.

Глубинная перспектива образа Григория Ивановича связана с мифологемой «нездешние места» («юг») / «наши края» («север»). Писатель подчеркивает, что старый учитель пришел в «наши края», где зимы затяжные, холодно,

снега, вьюги, из «той сторонки», где вечное лето: всегда зеленые деревья, кусты, луга в цветах, птицы поют и т.п. В мифопоэтическом плане рассказа это означает, что в земную юдоль, в земную обитель смертного человека (символами которой являются холод, зима) Учитель пришел из райских мест (символами которых выступают вечное лето, юг, тепло). Тем самым акцентируется «нездешнее» происхождение героя, причастность его сакральному пространству, сакральным сферам.

Писатель использует в сюжетостроении рассказа традиционные житийные мотивы, традиционную житийную топику.

Для святых характерны «ветхие одежды», неприхотливость в еде, скромность в быту. Григорий Иванович «и в будни, и в праздники ... всегда ходил в одном и том же наряде» [4, с. 35], денег за учение не брал, а только просил сельскую общину кормить себя: картофель, лук, горох да краюшка ржаного хлеба – вот и все, что нужно было старику для поддержания сил.

Есть в рассказе и характерный агиографический мотив – любовь праведника ко всей божией твари, к животным: Григорий Иванович «даже и скотину любил», приютил у себя котенка, увещевает ребят, кто мучил животных.

Важное значение для идейно-художественного содержания рассказа имеет видение «слепого учителя», которое выполняет ту же функцию в рассказе, что и средневековый жанр видений в составе агиографического произведения. В «чудесном сне» накануне своей смерти герой видит людей веселых, здоровых, умных и добрых, нет ни злых, ни глупых, ни хромых, ни горбатых. В деревне на месте черных изб – хорошие крепкие хаты, кругом – сады, пахнет цветами. «Краше стала вся земля, – сообщает Григорий Иванович о своем видении, – яснее стали небеса, с небес теплее, веселее грело красное солнышко...» [4, с. 53]. Картина сна включает как элементы социалистической утопии, обусловленные влиянием народнической идеологии на писателя, (идеал крестьянского быта: хаты такие, как у кулака Кузьмича), так и апокрифической картины рая (цветущие луга, добрые и счастливые люди, играющие дети, ясные небеса, солнце). «Может быть, этот сон был для него пророческим видением того, что когда-нибудь будет на земле» [4, с. 53], – поясняет рассказчик. Так народническая утопия входит в повествование о русском праведнике.

Святые обычно в средневековой литературе знают о дне и часе своего ухода из мира; герой Засодимского тоже обладает таким тайным знанием.

Смерть героя рассказа изображена на фоне тихого ясного августовского вечера, заката солнца: «С тех пор воспоминание о смерти учителя всегда связывается в моем воображении с воспоминанием о тихо угасающем, ясном вечере», – признается повествователь. Картина имеет мифологическую основу:

архетип вечера – как угасания жизни, закат солнца – как метафора смерти, конец лета, надвигающаяся осень – как метафора угасания жизни, как приближающаяся смерть. Красота, ясность, тишина августовского вечера, закат солнца маркируют светлый уход праведника в тот край, где пребывает Бог.

II

В «святочном рассказе» **«История двух елей»** изображаются праведники Николай Васильевич и его учитель, который сыграл большую роль в формировании личности героя. Характерно, что учитель лишен имени, но указан предмет его преподавания – история. Таким образом, дан обобщенный образ Учителя, наставника, мудреца. Не случайно он учитель истории: весь опыт истории человечества привел его к убеждению, что нравственная жизнь на земле может быть построена на основе таких духовных ценностей, как добро, любовь, милосердие. Он проповедует свои ученикам евангельские ценности. Его слова: «Слава, почести – мыльные пузыри! С минуту они играют всеми цветами радуги, а дунь на них – лопнут...» [4, с. 198] – соотносятся с евангельскими: «Как вы можете веровать, когда друг от друга принимаете славу, а славы, которая от Единого Бога, не ищите?» (Иоанна 5: 44).

Призыв Учителя не собирать богатств («От богатства еще менее можно ожидать счастья и довольства, чем от почестей и славы. <...> Богатство куется... из крови и слез. Только тот наживает великие богатства, кто отдает за них честь, душу, совесть! <...> Богатство всего непрочнее на свете: вор его крадет, вода топит и огонь палит» [4, с. 198]) – народническое переложение евангельских строк «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут» (Мф 6: 19–20), «Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное, и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф. 19: 23–24).

Так евангельским истинам писатель придал народническое звучание в силу своих идеологических установок: проповедь служения народу, сочувствия и деятельного добра в пользу угнетенных, страдающих народных масс.

Небесным покровителем Николая Васильевича является Николай Чудотворец, наиболее почитаемый из всех святых в русском народе.

В истории Николая Васильевича можно отметить мотивы, сходные с житием Николая Мирликийского: благочестивые родители, подвиги терпения, смирения, избегание мирской славы, пребывание в трудах, помощь всем

страждущим, нуждающимся, смерть накануне Рождества (память Николая Чудотворца отмечается 6 (19) декабря).

В изображении Николая Васильевича писатель использовал традицию такого типа агиографической литературы, как жития праведников, для которых характерны «устойчивые формулы, мотивы, сюжеты, описывающие нищелюбие и долготерпение героя, его смиренное и благодарное принятие всех жизненных испытаний» [14].

Так, сюжетный мотив – необходимость остаться в родном городе после школы – соотносится с агиографическим мотивом Божьей воли. Коля не имеет материальных средств после школы, чтобы переехать в Москву или Петербург, он сирота. Опекун нашел ему место конторщика на заводе. Однако не только житейскими обстоятельствами определяется решение героя, но и его ценностными ориентирами, уроками, полученными от Учителя: «Подумал Коля, подумал, да и остался в родном городе. Надо правду сказать: не всем же в столицу идти, надо же кому-нибудь оставаться и в маленьких городах и деревушках. **Счастье живет повсюду и полезным можно быть везде**» [4, с. 197]. Счастье же Коля понимает так, как толковали его мать и Учитель: в любви ко всем людям, в служении им. В рассказе евангельский смысл жизни имеет обертоны народнических воззрений: служение интеллигенции трудовому народу, просвещение народных масс.

В сюжетостроении рассказа писатель использует следующие традиционные агиографические мотивы.

1. Мотив благочестивых родителей: мать Николая Васильевича представлена идеальной христианкой, завещающей ему: «Люби, голубчик, всех людей. Все люди братья».

2. Герой отличается скромностью, едва ли не аскетизмом в быту, как и святые подвижники.

3. Любовь его распространяется не только на всех людей, но и на всех тварей Божьего мира: Николай Васильевич любит голубков, он спасает щенка из канавы, который становится ему верным другом.

4. «Житийные подвиги» героя – это его помощь страдающим, обиженным: «У него большая семья. Все дети и взрослые, и все люди, постигнутые бедой, все несчастные, убогие, хилые, больные, бедные – вот его семья» [4, с. 219].

5. Агиографическому чуду в рассказе соответствует описание последних мгновений жизни Николая Васильевича: «Странная история случилась тогда с конторщиком, – признается повествователь. – Как огненными буквами написанные встали тогда перед ним слова старого школьного учителя: «Жизнь

того, кто жил для ближних, кто жил с ближними по-братски, пройдет не напрасно, и смерть тому будет не страшна!» <...> И тут, в один миг, с быстротою молнии, перед умирающим разом озарилась каким-то чудесным светом вся его прошлая жизнь, и на мгновение предстала ему воочию жизнь любви и труда» [4, с. 206–207].

6. Как святой оставляет духовный завет братьям, так Николай Васильевич передает рабочим завода через мальчика Матюшу (имя Матвей в данном контексте отсылает к евангелисту Матфею) Христов завет любви.

III

В святочном рассказе «Неразлучники» главные герои – слепцы: юноша Вася, который родился незрячим, и Павел Рябок, потерявший зрение уже в зрелом возрасте. Слепота выступает здесь как маркер особой природы героев. В этой связи можно привести слова Христа из Евангелия от Иоанна об исцелении слепорожденного. Ученики спрашивают Учителя, не является ли слепота ребенка воздаянием за грехи его самого или родителей. Господь отвечает, что «не согрешил ни он, ни родители его, но [это для того], чтобы на нем явились дела Божии» (Иоан. 9: 2, 3) Слепые в данном случае – отмеченные Богом.

Несмотря на страдание, связанное с физической ущербностью, герои сохранили душу живую, не озлобились. О Васе повествователь сообщает: «...он был таким незлобивым существом, что равно любил всех людей и всякую тварь, – любил все живущее на земле» [5, с. 89].

В образе Васи подчеркивается его духовная красота, не случайно художник списал с него лик Ангела, являющегося в темницу для освобождения апостола Петра. Повествователь отмечает: в лице Васи «лишь изредка можно было заметить тихую грусть». Такая «тихая грусть» характерна для изображения святых на иконах. Можно говорить о связи такого изображения героя в произведении П. В. Засодимского с традиционным мотивом уподобления святых ангелам в житийной литературе, который имеет многоаспектный характер [13]. Так, повествователь подчеркивает внешнее подобие Васи ангельскому: несмотря на то, что ангел изображен был художником в прекрасных одеждах, с широко раскрытыми голубыми глазами, односельчане сразу узнали в нем Васю. В структуру рассказа «Неразлучники» входит мотив «бесплотной жизни как *imitatio angeli*» [13]: повествователь подчеркивает, что 25-летний Вася был «совершеннейшее дитя, умное, доброе, незлобивое дитя».

Для характеристики персонажей-праведников писатель использует традиционный агиографический топос «ветхих одежд»: «Одевались они, ели и пили, как Бог приведет», ходили и зимой и летом в одних одеждах.

Кормились герои не только, как птицы небесные, по слову Евангелия, но и от труда рук своих, и просили милостыню, когда не было другой возможности для пропитания. Они «не были дармоедами, не жили на чужой счет, на готовом хлебе», но всегда занимались какой-либо работой. В житиях этот мотив имеет устойчивый характер: даже достигнув высокого положения в церковной иерархии, святой трудится, не чуждается и самых грязных и тяжелых работ. Устойчивый мотив трудов святых подвижников на монастырскую братию можно обнаружить в житиях Феодосия Печерского, Сергия Радонежского и др.

Автор и прямо указывает на монашеское житие «неразлучников»: «Слепые жили в своей сторожке, как **в монастыре или в пустыне**. Редко доходили до них житейские новости и слухи...» [5, с. 104–105]. Они чуждаются и удивляются ссорам людей, их злобе друг к другу, страдают чужими страданиями, чужой болью.

Функции снов Васи в повествовании сходны с функцией пророческих видений в житийной литературе: «Сны были для Васи лишь повторением действительности. То грезилось ему, что он сидит и растирает табак, то будто прядет, – и нитка у него тянется без конца, а веретено тихо жужжит под пальцами, то будто он идет об руку с батей по какой-то ровной, гладкой дороге, ни за что не запинаясь, ни за что не задевая, идут они все в гору, все выше-выше, дышится так легко, свободно, так хорошо, то снилось ему, что он с батей сидит в лесу и батя рассказывает ему всякие истории о людях, о зверях, о птицах и рыбах, то грезилось ему, что он с батей звонит на колокольне и, словно, носится по-над землей вместе с птицами...» [5, с. 104]. Несмотря на объяснения повествователя, что сны лишь отражали житейское существование героя, очевидно, что они обладают символическим потенциалом. Так, нить, которую прядет во сне герой, символизирует нить жизни: нитка, которая тянется без конца, – символ вечной жизни. Земное существование Васи оборвется в цвете молодости, но душа его, чистая, невинная, будет жить вечно.

Образ ровной дороги, с одной стороны, – мечта слепых, для которых большую трудность представляет преодоление кочек, ухабов на дороге, а, с другой, – символ безгреховного пути «неразлучников». Дорога, уходящая ввысь, в гору, – становится символом духовного восхождения героев. Полет Васи вместе с птицами во сне символизирует духовное состояние его души, радостное восприятие Божьего мира, ангелоподобность, а с другой стороны, предвещает его смерть.

Писатель отметил особенную любовь слепых к колокольному звону. Вася в то время, когда звонил в колокола, весь преображался: «Казалось, в те минуты ему представлялись какие-то чудесные видения... Тут, на колокольне,

под удары колокола он как бы чувствовал себя сильным, могучим человеком, властвовавшим над целым морем звуков. <...> “Бум-бум” гудели колокола над его головой, и юноша с каждым ударом тяжелого, с трудом раскачиваемого колокола, казалось, выростал, поднимался все выше и выше над землей и носился, летал в мире звуков. Он испытывал при этом такие сильные ощущения, переживал так много, что после звона, совершенно изнеможенный, обессиленный, с побледневшим лицом, чуть не падая от усталости, ложился тут же на колокольной площадке» [5, с. 92].

Для Васи колокола были живыми существами, которых он наделял своими именами, ласкал их, мыл к праздникам.

Колокол – особенный символ в христианской литературе, его голос воспринимается как голос Бога [15]. Любовь «неразлучников» к колоколам, колокольному звону подчеркивает их духовность, «духовную жажду», причастность сакральной сфере.

Вводит писатель в повествование и житийный мотив тайного знания святым дня своей кончины. «Братан» Павел Рябок признается Васе, что стар и болен и боится, «как бы нам разлучиться не пришлось»: «Останешься ты без меня сиротинушкой». Твердый и спокойный ответ юноши поразил его: «Нет, батя! Не придется...» [5, с. 11].

«И в те минуты, – подчеркивает повествователь, – какая-то торжественная уверенность звучала в его голосе, светилась в его милой, кроткой улыбке, выражалась во всем его лице» [5, с. 11].

Слова героя можно воспринимать и как уверение в вечной дружбе, но и как тайное знание своей судьбы.

Писатель не случайно время смерти Васи «связал» с праздником Всех Святых. В православии установилась традиция, идущая от Иоанна Златоуста, празднования дня Всех Святых в первое воскресенье после Пятидесятницы [10].

Понятие «все святые» включает и канонизированных святых, и тех, кто остался неизвестен. Считается, что этим праздником церковь напоминает о множестве святых, просиявших в мире по Благодати Святого Духа, а также подчеркивает, что святость – не удел отдельных, исключительных личностей, а призвание каждого христианина.

Такое указание на день смерти героя – церковный праздник Всех Святых – свидетельствует об авторском восприятии его как святого, как праведника.

Выводы

1. Агиографическая традиция – важнейшая в творчестве П. В. Засодимского в плане создания национального идеала. Она оказалась тем «магическим

кристаллом» национальной культуры, сквозь который художник воспринимал как действительность, лучших людей своего времени (образы В. Гаршина, А. И. Левитова, Н. Г. Помяловского и других в публицистике писателя), так и идеальных героев своего творчества.

2. Обращение П. В. Засодимского к агиографической традиции в изображении праведников обусловлено множеством факторов: особенностями мировоззрения писателя, его религиозными, педагогическими, эстетическими взглядами, а также укорененностью его творчества в национальной почве, связью с народно-христианской культурой, с культурно-историческим и литературным контекстом эпохи.

3. Появление образов праведников в произведениях писателя для детей связано с его пониманием целей и задач детской литературы. «Своими рассказами я желал будить в людях добрые чувства – любви и сострадания», – писал он в предисловии «От автора» к «Задуманным рассказам» [4].

Как и для всей русской классической литературы X–XIX веков, для творчества П. В. Засодимского характерны поучительность, проповедь идеала, стремление «заразить» читателя примером праведного жития.

4. Рассказы П. В. Засодимского о праведниках носят не религиозный характер, а общегуманистический. Справедливо в свое время отметила Е. Ю. Власенко: «Специфика религиозных взглядов П. В. Засодимского состоит в том, что он понимает христианство широко, не столько в ортодоксальном религиозном аспекте, сколько как часть обширной гуманистической программы перевоспитания человека путем культивирования в нем добрых чувств» [1]. В этом смысле христианство П. В. Засодимского близко к христианству Л. Н. Толстого, которого писатель высоко ценил, воспринимал как духовного учителя и непререкаемый авторитет в литературе, а понимание праведничества и праведника – Н. С. Лескову: следование евангельским идеалам в повседневной жизни, в миру.

5. Образы праведников из интеллигенции в рассказах П. В. Засодимского обладают чертами народников 70–80-х годов XIX века, посвятивших свою жизнь служению трудовому народу. Праведники из народа отражают веру писателя в русского крестьянина, в сохранность в его душе христианских ценностей, веру в крестьянскую общину, основанную на социалистических началах.

Список литературы

1. Власенко Е. Ю. Функции архетипов и архетипических образов в произведениях П.В. Засодимского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2005. [Электронный ресурс]. URL: <https://cheloveknauka.com/funktsii-arhetipov-i-arhetipicheskikh-obrazov-v-proizvedeniyah-p-v-zasodimskogo> (дата обращения: 06.02.2022).

2. Горшкова С. Е. Что читали дети в церковно-приходских школах в конце XIX – начале XX века // Начальная школа плюс До и После. № 7. 2007. С. 1–4.
3. Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 9. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1991.
4. Засодимский П. В. Задушевные рассказы: в 2 т. Т. 1. СПб., 1891. 287 с.
5. Засодимский П. В. Задушевные рассказы: в 2 т. Т. 2. СПб., 1898. 265 с.
6. Засодимский П. В. Из воспоминаний. М., 1908. Электронный ресурс. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zas/index.htm> (дата обращения: 06.02.2022).
7. Засодимский П. В. Очерк истории детской журналистики (по 1869 год) // Колесова Л. Н. Детские журналы России (1785–1917): учеб.-метод. комплект. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2014. С. 148–194.
8. Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: Издание К. Солдатенкова, 1871. 486 с.
9. Лесков Н. С. Жития как литературный источник // Н.С. Лесков о литературе и искусстве / сост., вступ. ст. И.В. Столяровой. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. С. 38–40.
10. Лукашевич А. А. Всех святых неделя // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 9. С. 706–707. Электронный ресурс. URL: <https://www.pravenc.ru/vol/ix.html> (дата обращения: 06.02.2022).
11. Панченко О. В. Поэтика уподоблений (к вопросу о «типологическом» методе в древнерусской агиографии, эпидейктике и гимнографии) // ТОДРЛ. Т. 52. СПб., 2003. С. 491–534.
12. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. 2-е изд. М.: Русский язык, 1980. 384 с.
13. Руди Т. Р. «Imitatio angeli» (проблемы типологии агиографической топики) // Русская литература. 2003. № 2. С. 48–59.
14. Руди Т. Р. Житийная литература // Православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. Т. 19. М., 2013. С. 283–345. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravenc.ru/vol/xix.html> (дата обращения: 06.02.2022).
15. Трессидер Дж. Словарь символов. М., 2001. 444 с. [Электронный ресурс]. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/ (дата обращения: 06.02.2022).
16. Яхонтов А. К. Жития святых, как образовательно-воспитательное средство, и их значение для русской школы с древнейших времен. Симбирск: Тип. И. С. Хапкина, 1898. 178, XLI с.

References

1. Vlasenko, E. YU. *Funkcii arhetipov i arhetipicheskikh obrazov v proizvedeniyah P. V. Zasodimskogo*. [The functions of archetypes and archetypal images in the works of P. V. Zasodimsky.] Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Ul'yanovsk, 2005. Elektronnyj resurs. URL: <https://cheloveknauka.com/funktsii-arhetipov-i-arhetipicheskikh-obrazov-v-proizvedeniyah-p-v-zasodimskogo> (data obrashcheniya: 06.02.2022). (In Russian).
2. Gorshkova, S. E. *CHto chitali deti v cerkovno-prihodskih shkolah v konce XIX – nachale XX veka* [What children read in parochial schools at the end of the 19th – beginning of the 20th century] *Nachal'naya shkola plyus Do i Posle*. [Primary school plus Before and After] № 7. 2007. S. 1–4. (In Russian).

3. Dostoevskij, F. M. *Sobranie sochinenij v 15 tomah*. T. 9. [Collected works in 15 volumes. T. 9.] L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1991. (In Russian).
4. Zasodimskij, P. V. *Zadushevnye rasskazy*. [Heartfelt stories]. V 2 t. T. 1. SPb., 1891. 287 s. (In Russian).
5. Zasodimskij, P. V. *Zadushevnye rasskazy*. [Heartfelt stories]. V 2 t. T. 2. SPb., 1898. 265 s. (In Russian).
6. Zasodimskij, P. V. *Iz vospominanij*. [From memories]. M., 1908. Elektronnyj resurs. URL: <https://www.booksite.ru/fulltext/zas/index.htm> (data obrashcheniya: 06.02.2022). (In Russian).
7. Zasodimskij, P. V. *Ocherk istorii detskoj zhurnalistiki (po 1869 god)* [Essay on the history of children's journalism (until 1869)] // Kolesova L.N. *Detskie zhurnaly Rossii (1785–1917)*. [Children's magazines in Russia (1785–1917)] Uchebno-metodicheskij komplekt. Petrozavodsk: Petrozavodskij gosudarstvennyj universitet, 2014. S. 148–194. (In Russian).
8. Klyuchevskij, V. O. *Drevnerusskie zhitiya svyatyh kak istoricheskij istochnik*. [Ancient Russian Lives of Saints as a Historical Source]. M.: Izdanie K. Soldatenkova, 1871. 486 s. (In Russian).
9. Leskov, N. S. *ZHitiya kak literaturnyj istochnik* [Lives as a literary source]. N.S. *Leskov o literature i iskusstve* [N. S. Leskov on literature and art], sost., vstup. st. I. V. Stolyarovoj. L.: Izd-vo Leningr. un-ta, 1984. S. 38–40. (In Russian).
10. Lukashovich, A. A. *Vsekh svyatyh nedelya* [All Saints Week]. *Pravoslavnaya enciklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Pod red. Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. T. 9. S. 706–707. Elektronnyj resurs. URL: <https://www.pravenc.ru/vol/ix.html> (data obrashcheniya: 06.02.2022). (In Russian).
11. Panchenko, O. V. *Poetika upodoblenij (k voprosu o «tipologicheskom» metode v drevnerusskoj agiografii, epidejktike i gimnografii)* [Poetics of assimilation (to the question of the "typological" method in ancient Russian hagiography, epideictics and hymnography)]. TODRL. T. 52. SPb., 2003. S. 491–534. (In Russian).
12. Petrovskij, N. A. *Slovar' russkih lichnyh imen*. [Dictionary of Russian personal names]. 2-e izdanie. M.: Russkij yazyk, 1980. 384 s. (In Russian).
13. Rudi, T. R. «*Imitatio angeli*» (*problemy tipologii agiograficheskoy topiki*) ["Imitatio angeli" (problems of typology of hagiographic topics)]. *Russkaya literatura*. [Russian Literature]. 2003. № 2. S. 48–59. (In Russian).
14. Rudi T.R. *ZHitijnaya literature* [Hagiographic Literature] *Pravoslavnaya enciklopediya*. Pod red. Patriarha Moskovskogo i vseya Rusi Kirilla. [Orthodox Encyclopedia. Ed. Patriarch of Moscow and All Russia Kirill]. T. 19. M., 2013. S. 283–345. Elektronnyj resurs. URL: <https://www.pravenc.ru/vol/xix.html> (data obrashcheniya: 06.02.2022). (In Russian).
15. Tressider, Dzh. *Slovar' simvolov*. [Dictionary of symbols]. M., 2001. 444 c. Elektronnyj resurs. URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/JekTresidder/ (data obrashcheniya: 06.02.2022). (In Russian).
16. YAhontov, A. K. *ZHitiya svyatyh, kak obrazovatel'no-vospitatel'noe sredstvo, i ih znachenie dlya russkoj shkoly s drevnejshih vremen*. [Lives of the saints as an educational tool and their significance for the Russian school since ancient times]. Simbirsk: Tipografiya I. S. Hapkova, 1898. 178, XLI s. (In Russian).